

DOI 10.15826/qr.2018.2.300

УДК 94(470)"16"+94(477)"16"+342.553(09)+351.713(09)

**ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ И РЕСУРСЫ УСТОЙЧИВОГО
КОНТРОЛЯ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ
ТЕРРИТОРИИ «МАЛОЙ РОССИИ»
(XVII в., ВТОРАЯ ПОЛОВИНА)***

Яков Лазарев

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**FACTORS, MECHANISMS, AND RESOURCES
FOR STABLE RUSSIAN CONTROL OVER LITTLE RUSSIA
(THE SECOND HALF OF THE 17th CENTURY)****

Yakov Lazarev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The author demonstrates that the existing historical and sociological models explaining the peculiarities of control over the region by means of military forces and centralised bureaucracy, which exercised repressive management practices in relation to local (national) elites, do not correlate with real historical practices. According to the tsarist government's initial plans, local self-gov-

* Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых по теме «Механизмы устойчивого контроля над присоединенными территориями Российского государства: военно-административное присутствие и фискальные практики в „Малой России“ (вторая половина XVII в. – 1785 г.)» на 2017–2018 гг.

Автор выражает глубокую признательность к. э. н. В. В. Великанову, к. и. н., с. н. с. К. А. Кочегарову, к. и. н., с. н. с. М. А. Киселеву, а также Центру польско-российского диалога и согласия (Варшава).

** *Citation*: Lazarev Ya. (2018). Factors, Mechanisms, and Resources for Stable Russian Control over Little Russia (The Second Half of the 17th Century). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 351–370. DOI 10.15826/qr.2018.2.300.

Цитирование: Lazarev Ya. Factors, Mechanisms, and Resources for Stable Russian Control over Little Russia (The Second Half of the 17th Century) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 351–370. DOI 10.15826/qr.2018.2.300 / Лазарев Я. Факторы, механизмы и ресурсы устойчивого контроля Российским государством территории «Малой России» (XVII в., вторая половина) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 351–370. DOI 10.15826/qr.2018.2.300.

erning corporations (the Zaporozhye Registry Army and cities that were self-governing according to Magdeburg Rights) were to be the main resources for holding sustainable control over the region, including as intermediaries in tax collection. The article notes that this trend intensified during the geopolitical competition over Little Russia (with the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Crimean Khanate, and Ottoman Turkey) and as a consequence of the political instability within the Cossack elites and the financial crisis of 1662. As a result, the Russian state could not fully financially support the few enclaves of tsarist (voivoda) administration in the region. Referring to the history of Russian institutions in the region (voivoda offices) in the 1670s–1690s, the author demonstrates the reasons which prevented the tsar's agents from keeping the region under control and resisting unrest. The article notes that for the sake of preserving even such limited control and maintaining the loyalty of the Cossack elite, the tsarist government did not collect taxes from the local population between 1669 and 1722.

Keywords: Russian state; Little Russia; Hetmanate; Polish-Lithuanian Commonwealth; Magdeburg Rights; voivode authority; empire; control mechanisms.

Автор показывает, что существующие историко-социологические модели, объясняющие специфику механизмов контроля над регионом за счет военной силы и централизованной бюрократии, генерировавшей по отношению к локальным (национальным) элитам репрессивные практики управления, слабо соотносятся с реальными историческими практиками. Изначально в представлениях царского правительства основными ресурсами поддержания устойчивого контроля над регионом должны были стать местные самоуправляющиеся корпорации (Войско Запорожское реестровое и города, самоуправлявшиеся по магдебургскому праву), включая функции посредников при сборе налогов. Отмечается, что данный тренд усиливался еще заметнее в условиях геополитической конкуренции за «Малую Россию» с Речью Посполитой, Крымским ханством и Османской Турцией, а также в сочетании с политической нестабильностью внутри казацких элит и финансовым кризисом 1662 г. В результате этого Российское государство не могло в полной мере материально поддерживать немногочисленные анклавные царской (воеводской) администрации в регионе, стабилизировать их численность. На примере истории российских институций (воеводских приказных изб) за 70–90-е гг. XVII в. автор реконструирует причины, мешавшие царским агентам эффективно поддерживать контроль в регионе и противостоять массовым и даже локальным выступлениям. Ради сохранения даже такого ограниченного контроля и поддержания лояльности казацкой элиты царское правительство в 1669–1722 гг. отказалось от сбора налогов с местного населения.

Ключевые слова: Российское государство; «Малая Россия»; Гетманская Украина; Речь Посполитая; магдебургское право; воеводская приказная изба; империя; механизмы контроля.

В современной историографии и исторической социологии одной из ключевых проблем является объяснение того, каким образом государства поддерживали свою целостность. В отношении государств с обширными и гетерогенными территориями при объяснении этого зачастую употребляется понятие *империя*. Это до конца не конституированное спорное понятие в зависимости от методологических (иногда и политически окрашенных) установок наполнялось различным содержанием, которое в политических практиках априори выражали правящая элита и остальные агенты государства. Как следствие, в исторических нарративах «империи» могут функционировать в качестве моноакторов, которые уравнивают и гомогенизируют окружающее пространство. В таких историко-социологических концепциях ключевыми механизмами поддержания устойчивого контроля на окраинах выступают военная сила и централизованная бюрократия, генерировавшая, как правило, по отношению к локальным (национальным) элитам репрессивные практики управления. В полной мере такой подход обыгрывается на российском материале XV–XX вв. Яркой иллюстрацией такого видения российской истории являются различные варианты национальных историй государств, возникших на обломках СССР после 1991 г. [Бордюгов, Бухарев; Касьянов, Миллер]. Несмотря на призывы детально изучать «сложные системы отношений между центром и разнообразными окраинами, имперской властью и локальными сообществами», «асимметричность административно-политических и правовых структур», «ресурсы устойчивости империи» [Миллер, с. 7–8], подобные объяснительные модели продолжают воспроизводиться и доминировать в историографии, например, в современных исторических курсах, претендующих на новое прочтение истории Российского государства, подлинное понимание механизмов устойчивого контроля и ресурсов для его (не)эффективного поддержания¹. Положенный в основу таких схем априорный принцип военного и бюрократического господства как основы устойчивого контроля зачастую позволяет избегать ответа на вопрос о социальных и финансовых ресурсах государства, правящая элита которого теоретически вряд ли была способна на подобный формат взаимоотношений. Соответственно, снимается проблема наличия зависимости российского правительства от локальных (национальных) элит. Данная проблема особенно остро стоит применительно к XVII – первой половине XVIII в. в отношении понимания факторов, механизмов и ресурсов поддержания устойчивого контроля на территории одной из ключевых окраин Российского государства – «Малой России»² [Лазарев].

¹ В данном случае речь идет о курсе «Истории Украины», вышедшем в 2015 г. под ред. Т. Г. Таировой-Яковлевой, и о «Новой имперской истории Северной Евразии» журнала «Ab Imperio».

² Под территорией «Малой России» мы подразумеваем регион, отпавший от Речи Посполитой и вошедший в состав Российского государства в 1654 г. Изначально «Малая Россия» имела сложную социально-политическую структуру, включавшую институты самоуправления Войска Запорожского (Гетманской Украины), городов, самоуправлявшихся по магдебургскому праву, местной православной церкви и до некоторого времени православной шляхты, поддержавшей восстание Б. М. Хмельницкого.

Данный регион долгое время имел стратегическое значение на западе и юго-западе Российского государства в геополитическом противостоянии с Речью Посполитой, Крымским ханством и Османской Турцией. В историографическом плане этот аспект российской истории до сих пор остается не до конца изученным.

Если следовать за украинской историографией, то история данного региона, понимаемого в качестве «Украинской (казацкой) державы» / «Украинского гетманата» / «Гетманщины» (то есть казацкого государства), полностью вписывается в отмеченную выше логику «империи» [Український Гетьманат]. Сложившиеся механизмы контроля со стороны Российского государства способствовали разложению и уничтожению административных институтов «демократической Украины», коррумпируя казацкую элиту. Схожим образом мыслят и некоторые российские историки [Таирова-Яковлева]. Имеющиеся источники, как опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот, позволяют пересмотреть воспроизводимые в современной украинской и отчасти российской историографии представления о практиках управления регионом и развитии «украинской государственности».

По своему географическому положению территория «Малой России» изначально была ареной для геополитического соперничества между Речью Посполитой, Крымским ханством и Османской Турцией, а впоследствии и Российским государством. Продолжительное время Российское государство являлось, по сути дела, пассивным участником противостояния. Истощенные после Смуты финансовые и людские ресурсы не позволяли мобилизовать достаточные силы для возвращения утраченных в этот период территорий. Российская сторона, стараясь не раздражать западного соседа, принимала на службу и поселяла на юго-западных рубежах сотни православных беглецов из восточных регионов Речи Посполитой, а также обучала и перевооружала армию при участии иностранных специалистов (особенно активно – с 1630 г.). Только волнения в среде *Войска Запорожского реестрового* (то есть служившего за жалование и подконтрольного польской короне) позволили Российскому государству дважды нарушить геополитическое равновесие и вмешаться во внутривойсковые дела. Сокращение казацкого реестра и закрепощение «выписанных» из него казаков, а также антиправославная политика польского правительства (разорение церквей, навязывание католического или униатского вероисповедания) заставили казаков выступить против короля. Казацкий вождь Тарас Федорович (Трясило) настойчиво убеждал российское правительство, что казаки перейдут в подданство московского царя в случае его вступления в войну с польским королем. Перспектива геополитического реванша втянула Российское государство в авантюру, известную сейчас как *Смоленская война* (1632–1634). Украинские казаки действительно приняли в войне самое активное участие, но по большей части в составе *королевской армии*. Итоговое поражение имело тяжелейшие последствия для

государственной казны, а царское правительство несколько лет не вмешивалось в череду казацких восстаний на восточных польских окраинах страны (бунты Сулимы, 1635; Павлюка, 1637; Остринина и Гуни, 1637–1638). Восстания лишь способствовали эмиграции православных тех регионов в пределы Московского царства. В отношении переселенцев царское правительство придерживалось максимально осторожной политики. По некоторым подсчетам украинских историков, на начало 1640 г. число вынужденных переселенцев на территорию Российского государства достигало примерно 20 тыс. [Папков, с. 141–144, 196–208; Козляков, с. 202–226; Фоминов, с. 76–83; ВУР, т. 1, с. 81–82, 86–87, 113–114, 118–119, 124–129, 223–225, 254–255, 314–315, 369, 381–382, 436–439 и др.; Смолий, Степанков, с. 69; Bohun, Małow, Smirnowa].

Второй шанс российскому правительству предоставил Б. М. Хмельницкий в 1648 г., когда произошло восстание под его предводительством, потрясшее Речь Посполитую. Масштабность социальному взрыву придавали как гонения на православную церковь [Кулаковський, с. 70–74], так и особенности социально-экономического развития страны в данном регионе (система аренды и специфика местного населения с высокой долей беглых) [Камінський, с. 32–34]. Правительство Алексея Михайловича изначально очень осторожно относилось к самому выступлению, а также предложениям Хмельницкого (титуловавшегося *гетманом*) о российском подданстве. Сам казацкий лидер также рассматривал не только российский вариант. Вплоть до весны 1653 г. неоднократный обмен посольствами не давал ощутимых результатов, пока, вероятно, благодаря усилиям патриарха Никона не удалось преодолеть «смоленский синдром». Тогда же начались подготовка к Земскому собору и приготовления к войне [ВУР, т. 3, с. 286–287, 322–324, 367, 407, 412]. На что рассчитывало царское правительство, присоединяя территорию «Малой России»?

Решениями Переяславской Рады 1654 г. корпорации «Малой России» (Войско Запорожское, мещане городов с «магдебургиями», православное духовенство и шляхта) становились подданными московского царя, а он, в свою очередь, их сувереном. Как показали переговоры в Переяславе и Москве (зима – лето 1654 г.), для царского правительства ключевой проблемой был поиск посредника, который осуществлял бы сбор налогов с городского и сельского населения в царскую казну при номинальном контроле со стороны царской (воеводской) администрации, учитывавшей финансовые поступления. Вопросы местного самоуправления по «российскому образцу» или наделения царских воевод полномочиями в отношении населения «Малой России» не поднимались вообще. Первоначально царское правительство целиком и полностью доверяло казацкой стороне и санкционировало военно-административное присутствие только в крепости Киева (так называемом «верхнем городе»).

Однако переговоры в Москве вывели на политическую сцену очень важного игрока – корпорации привилегированных городов,

самоуправлявшихся по магдебургскому праву³. Первоначально это были делегации Переяславля, Киева, Чернигова, для которых самой страшной политической перспективой было верховенство казацких институтов самоуправления и потеря привилегий еще польского времени. Благодаря их политической активности в переговорный процесс был привнесен важный историко-юридический контекст, связанный с описанием практик управления в польское время. Это позволило царскому правительству понять, что претензии казацкой элиты на властную монополию над другими корпорациями не имеют юридических оснований и ограничены только сферой войска («права войсковые»). Более того, городские институты самоуправления формально были способны эффективно исполнять роли фискальных агентов государства. Итоги переговоров в Москве (весна – лето 1654 г.) привели к определенной напряженности во взаимоотношениях с казацкой стороной. Царское правительство, подтвердив права корпораций «Малой России», не решилось на продавливание отмеченной модели управления, также речь не шла о наделении царских воевод административно-судебными полномочиями в отношении местного населения [Лазарев, с. 197–200].

Агенты государства (как правило, киевские воеводы) выступали только в роли налоговых информаторов, собиравших данные о размерах землевладений, налоговых практиках польского времени и сохранившихся сборах [ВУР, т. 3, с. 522–534]. Политический авторитет Б. М. Хмельницкого и военный потенциал Войска Запорожского речестрового не мотивировали царское правительство напрямую и не могли явно поддерживать альтернативные центры власти даже тогда, когда городские корпорации открыто выражали свое недовольство принудительными и незаконными мобилизациями казацких властей⁴. Причина этого лежала на поверхности – городские корпорации не имели значительного военного потенциала, который могло бы использовать царское правительство. Смерть Хмельницкого 27 июля (6 августа) 1657 г. принципиально ничего не изменила. Агенты царского правительства продолжали собирать фискальную информацию и отслеживать мнения местных сословных групп. Российская сторона, не имея равноценной замены казацким институтам самоуправления для поддержания контроля над регионом, оказалась целиком и полностью зависимой от них.

В условиях продолжавшегося геополитического соперничества за территорию «Малой России» обозначилось несколько ключевых факторов, определявших политические комбинации в регионе по крайней мере до конца 1670-х гг.: нестабильность политических взглядов

³ По некоторым подсчетам, в «Малой России» насчитывалось не меньше 22 городов, самоуправлявшихся по магдебургскому праву [Кісіль, с. 46, 214–217].

⁴ В данном случае речь идет о разговоре царского посланника И. А. Желябужского с войтом Стародуба летом 1657 г. [РИБ, т. 8, стб. 1239–1240].

казацких гетманов, часто менявших суверенов, раскол в казацкой элите (на правобережную и левобережную), наличие различных партий и лидеров, а также ограниченность ресурсов Российского государства для военной поддержки лояльных сил и удержания всей территории региона.

Нестабильность политических взглядов казацких гетманов объясняется тем, что ни один из главных политических игроков (Речь Посполитая, Россия и Турция) не обладал ресурсами, достаточными для военно-административного контроля. В результате украинские гетманы пытались добиться выгодных для себя политических условий в составе того или иного государства – Речи Посполитой (И. Е. Выговский, Ю. Б. Хмельницкий) или Османской Турции (Ю. Б. Хмельницкий, И. М. Брюховецкий, П. Д. Дорошенко). Максимальные политические запросы казацкой элиты (по большей части правобережной) свелись к проекту *Гадячской унии* (1658–1659), соавтором которого был гетман И. Е. Выговский. Первоначально проект предусматривал создание Великого княжества Русского – относительно автономной части Речи Посполитой – с ведущей ролью в нем казацкой элиты. Появление Великого княжества Русского в потенциале могло бы привести к нобилитации (включению в шляхетское сословие) казацкой элиты и ее участию в управлении единым государством на сеймах. Сам проект даже в значительно урезанном виде так и не был принят Сеймом. Однако этот момент и породил раскол казацкой элиты, приведший фактически к гражданской войне, разделившей «Малую Россию» на Правобережье (Речь Посполитая) и Левобережье (Российское государство), что окончательно оказалось закреплено Андрусовским перемирием 1667 г. [Бабулин, 2015а; Kroll; Wójsnik]. Среди казацкой элиты обнаружились значительные силы, заинтересованные в сохранении российского подданства. Соответственно, в геополитической конкуренции за «Малую Россию» ни один из политических игроков не мог рассчитывать на максимальную мобилизацию военных ресурсов всего Войска Запорожского, а мог лишь претендовать на контроль над одной из частей региона.

Сиюминутные политические решения казацких гетманов оказывали влияние на военно-административное присутствие и полномочия царской (воеводской) администрации. В первом случае (измена И. Е. Выговского) впервые было расширено российское военно-административное присутствие в регионе. Вместо одной крепости (Киев) царские воеводы были введены в Переяславль, Нежин и Чернигов, а общая численность царских войск достигла на конец 1659 г. почти 18,5 тыс. чел. (с учетом зимовавших на Правобережье в Умани). Действия гетмана Выговского стали важным аргументом для России при утверждении своей позиции в переговорах с новым гетманом Ю. Б. Хмельницким, первоначально не соглашавшимся на расширение численности царских гарнизонов [Источники малороссийской истории, ч. 1, с. 102–103, 110–111]. Во втором случае (измена

Ю. Б. Хмельницкого) после разгрома российской армии во главе с воеводой боярином В. Б. Шереметевым (примерно 15 тыс. чел.) царское правительство лишилось возможностей военного контроля над территорией всей «Малой России», что усугубило раскол региона. В столь катастрофической ситуации, пожалуй, ключевую роль сыграли жесткая позиция царских воевод на Левобережье (в первую очередь киевского князя Ю. Н. Барятинского и переяславского князя В. Б. Волконского) и удержание ими контроля над ситуацией в своих городах и окрестных полках. Это позволило оставшимся лояльными Москве казацким лидерам (Я. С. Самко, И. М. Брюховецкому, Н. Золоторенко) перехватить инициативу и восстановить при помощи войск князя Г. Г. Ромодановского контроль над большей частью Левобережья. В свою очередь, это не могло не повлиять на позицию лояльных городских корпораций с «магдебургиями», которые также позволили сохранить относительный контроль в части «Малой России». Следует отметить, что в обоих случаях царское правительство не поднимало вопрос о введении налогов с местного неказацкого населения (согласно договорам 1654 г.), о расширении полномочий царской (воеводской) администрации [Kroll, s. 372, 376–385; Флора 2010, с. 585–587, 596, 606–608; Універсали українських гетьманів, с. 127–129] или о российском военно-административном присутствии. Этот вопрос по большей части зависел от политических решений, принимавшихся в среде той части казацкой элиты, что осталась лояльной царскому престолу. Причиной было то, что Российское государство, потеряв огромную армию, все глубже погружалось в финансовую яму. Этот момент в дальнейшем определял крайне ограниченные возможности для поддержания постоянной эффективной численности оставшихся гарнизонов в «Малой России».

К началу 1660-х гг. экономика Российского государства стала испытывать колоссальные проблемы, вызванные мобилизационными нагрузками военного времени. Начиная с 1654 г. затраты на содержание армии находились на стабильно высоком уровне. На первый год войны потребовалось примерно 100 тыс. руб. (летом в армию было отправлено 40 тыс. руб. серебром), а годовое содержание полка белгородского воеводы князя Г. Г. Ромодановского обходилось примерно в 510 тыс. руб., правда, медными деньгами (ноябрь 1661 – октябрь 1662 г.), которые обесценились за этот период по отношению к серебряным деньгам с 80 до 9 тыс. % (данные по Москве). Затруднения по изысканию средств на нужды армии правительство стало испытывать уже в первые месяцы Русско-польской войны.

Важным механизмом, компенсировавшим нехватку денег, являлось увеличение поземельного налога, а также периодическое введение чрезвычайного налога – *пятинных денег* (то есть единовременного сбора пятой части доходов). При этом царское правительство было крайне заинтересовано в том, чтобы избежать их дальнейшего сбора. Это удавалось делать вплоть до 1662 г., для чего пришлось уменьшить

стопу серебряной монеты, а затем начать производство медных денег, объемы которого с 1654 г. постоянно увеличивались. Основным источником серебра для государства, не имевшего собственных серебряных рудников, были торговля, таможенные пошлины на товары иностранных купцов, прием иностранной серебряной валюты (*ефимков*) от торговых людей в счет уплаты за российские товары.

Процесс обесценивания медных денег ударил по торговому обмену между городом и деревней. Крестьянское население в ответ на принудительный курс взвинчивало цены, а иногда и вовсе отказывалось продавать хлеб за медные деньги. Последствия от провала денежной реформы Алексея Михайловича в полной мере ощутили на себе и царские гарнизоны в «Малой России» [Базилевич, с. 9, 14–15, 19, 33–37, 45].

Ситуацию усугубляло нежелание торговых агентов государства принимать медные деньги от малороссийского населения (примерно с 1660 г.). Это привело к тому, что медные деньги, стабильно использовавшиеся в российско-украинском товарообороте, стали абсолютно неликвидными. Местное население отказывалось продавать продукты питания даже по завышенному курсу (примерно 1 : 20) московским ратным людям, получавшем хлебное довольствие по большей части медными деньгами. В борьбе за предотвращение возможного голода и недовольства среди ратных людей царские воеводы, по сути дела, были предоставлены сами себе. Например, в июне 1662 г. нежинский воевода князь С. И. Шаховской для покупки хлеба и иных расходов раздал стрелецким головам, сотникам и рядовым стрельцам всю имевшуюся у него серебряную казну, чтобы ратные люди «не померли с голоду», а также занял у местного полковника В. Н. Золотаренко 400 руб. мелкими серебряными деньгами. Также, опасаясь недовольства в гарнизонных войсках, переяславский воевода князь В. Б. Волконский в мае 1662 г. пытался договориться с наказным гетманом Я. С. Сомко об установлении цен на хлеб медными деньгами, так как ратные люди «помирают голодную смертью». Однако казацкие союзники не пошли навстречу воеводе, объясняя, что «ни в которых городех торгу не будет». Тогда в переяславском гарнизоне произошло сильное волнение. Часть солдат прямо заявила, что в случае неуплаты жалования серебром они готовы в полном составе и со знаменами двинуться к Москве. Все это не могло не увеличить случаи массового бегства с мест службы. Переяславский воевода князь В. Б. Волконский доносил в конце мая 1662 г., что из крепости бежали «все без остатку» солдаты двух полков вместе с «начальными людьми». Недовольство проникло и в войска, посланные в регион во главе с князем Г. Г. Ромодановским [Шевченко, с. 211; АЮЗР, т. 7, с. 339].

Перенапряженную военными мобилизациями финансовую систему добил *медный бунт* (лето 1662 г.), «похоронивший» важнейшие военные успехи в войне против Речи Посполитой, которых впервые за долгое время достигла российская армия (Каневская битва, июнь

1662 г.) [Бабулин, 20156]. На этом фоне политическая борьба в среде лояльной казацкой элиты привела к неожиданным результатам для царского правительства. Пришедший к власти осенью 1663 г. гетман И. М. Брюховецкий вскоре подписал *Батуриинские статьи*, в которых давал политические гарантии для проведения фискальной переписи (размеров всех землевладений), следствием чего должно было стать определение размера поборов на содержание царских войск в регионе и Войска Запорожского реестрового. Возможно, это был политический маневр, так как сам гетман не особенно стремился к ее осуществлению. Налоговая реформа начала воплощаться в жизнь только поздней осенью 1665 г. На территории «Малой России» создавалось несколько налоговых округов (примерно 15), к которым приписывались города и сельские местности Левобережья, в центре каждого города должен был находиться царский воевода с гарнизоном. Таким образом, данный политический шаг расширял российское военно-административное присутствие в регионе, а также отчасти и компетенцию царских воевод. Относительно успешному запуску налоговой реформы способствовала политическая активность городских корпораций с «магдебургиями» (привилегии, которые хотел ликвидировать гетман), а также антигетманская деятельность епископа Мефодия [Гордон, с. 130–133; Горобець, с. 114, 122–124; Источники малороссийской истории, с. 143–144; Романовский, с. 26–46, 67–75, 95–96, 115; Шевченко, с. 231, 252, 258–259, 292–293].

Совпадение общих интересов этих политических сил заставило царское правительство уверовать, что именно городские корпорации смогут эффективно выступить как агенты государства при проведении переписи и сборе налогов. Главная нагрузка в налоговой реформе ложилась не на разветвленную сеть московской администрации, а на выборных от городских корпораций. Однако царское правительство до конца не понимало специфику региона. Проведение налоговой реформы лишало казацкую элиту важных источников дохода, привело бы к уточнению финансовых возможностей региона, которыми Российское государство могло компенсировать часть издержек. Помимо типичных недостатков, характерных для любой налоговой реформы (неверная запись в податные), это создавало дополнительные очаги напряженности. Излишнее доверие городским корпорациям также подвело царское правительство. Согласившись на роль посредников в осуществлении налоговой реформы, не все городские корпорации оказались готовы платить подати в царскую казну. У корпораций сильных городов (Киева, Переяславля, Нежина) налоговый и торговый иммунитет казачества вызывал сильнейшее раздражение, так как позволял последнему эффективно конкурировать с горожанами в торговой сфере. По этой причине корпорации этих городов за лояльность царскому трону решили вытребовать для себя подобные же временные привилегии. Одобрение данных запросов произвело эффект разорвавшейся бомбы для остальных городских корпораций.

По сообщениям киевского воеводы П. Б. Шереметева, в Киев потянулись делегации других городов, требуя «с торговых их промыслов никаких пошлин» не брать, а также предоставить временную отсрочку от выплаты налогов по переписным книгам из-за их якобы неплатежеспособности. В других городах, где практики воеводского управления установились совсем недавно, ситуация была гораздо сложнее. Особенно это касалось пограничных городов, где были сильны связи с казацкой корпорацией. Посланнику полтавского воеводы П. Сафонова местные войт и бурмистр заявляли, что в городе не будет целовальников, собирающих хлебные и таможенные сборы, так как «запорожцы убьют, хиба де будет москаль, да и москаля де убьют: ту то де бачишь трех царей земля: во то де тут королевскою были, а ныне царскою, а за Ворскло люде крымского, *побору де тут никто давать не будет...* велеть побор и целовальником давать гетман (курсив мой. – Я. Л.)» (цит. по: [Шевченко, с. 289]). На этом фоне малороссийские мещане, пытаясь преодолеть ситуацию повышенной налоговой нагрузки, стали массово записываться в казаки (Переяславль, Глухов, Сосницы и др.), тем самым обретая податной иммунитет [Там же, с. 288–289].

Эффективных сил для противостояния массовым выступлениям на Левобережье не было, немногочисленные же царские гарнизоны (примерно 10 тыс. чел.) были распределены по 16 крепостям и городам. Самый крупный киевский гарнизон насчитывал около 4 тыс. чел., гадячский – около 2,2 тыс. чел., а остальные – по несколько сотен, а то и десятков человек (Миргород, Лубны, Прилуки) [РГАДА. Ф. 210 (Столбцы Белгородского стола). Д. 153. Л. 89–95].

Общим недовольством, вызванным отмеченными факторами, попытался воспользоваться гетман И. М. Брюховецкий. Недовольный окончательным разделением региона после Андрусовского перемирия (начало 1667 г.), гетман грезил ролью объединителя всей «Малой России». Внешнюю помощь гетман планировал получить от крымских татар и турок. Мятеж, начавшийся в феврале 1668 г., и последовавшее за ним избиение царских гарнизонов стали полной неожиданностью для царского правительства. Царь Алексей Михайлович полностью доверял гетману и даже возвел его в боярское достоинство. Больше всего государя поразило предательство гетмана, по приказу которого были перебиты царские ратные люди, присланные в Гадяч по его личной просьбе и для его же охраны: «без всякие причины, невинное над московские служилые люди, которые в Гадяче его же богоотступника оберегали, кроворазлитие учинил» [АЮЗР, т. 7, с. 49]. Действительно, в начале мятежа восставшие казаки и мещане легко уничтожили малочисленные гарнизоны в Лубнах, Миргороде, Соснице, Батурина, Стародубе, Прилуках и Новгород-Северском. Однако там, где численность царских ратных людей была более значительна и сохранялись годные крепостные укрепления, воеводам удавалось организовать оборону (Киев, Переяславль, Нежин и Чернигов) и нейтрализовать

усилия мятежников. В некоторых городах на руку Брюховецкому сыграли извечные проблемы обеспечения ратных людей денежным и хлебным довольствием. Например, в Полтаве и Глухове служилые люди фактически отказались нести службу, а в Глухове взбунтовавшиеся драгуны выдали казакам воеводу Кологривова и ушли со службы. Русский гарнизон в Гадяче, который квартировал в самом городе, не спасло даже то, что он добровольно выходил по условиям капитуляции. Всего казаками были заняты десять городов, где ранее стояли русские гарнизоны.

Ситуацию дополнительно мог усугубить поход на Левобережье П. Д. Дорошенко, другого претендента на гетманскую булаву (конец весны – лето 1668 г.) [Wójcik, s. 236–237; Флоря 2013, с. 147–148; Perdenia, s. 96–97, 156–163]. Ничто не предвещало того, что объединенное казацкое войско кто-то сможет остановить. Не в первый раз переменчивость недавних союзников сыграла на руку царскому правительству. Часть крымских татар «учала воевать малороссийские города и уезды», добывая себе невольников («полон»), а затем и вовсе вернулась в Крым. Далее Дорошенко допустил роковой стратегический просчет, решив вместе с главными силами крымчаков идти вглубь пограничных территорий Российского государства – на земли Севского уезда. Пока мятежные казаки с крымчаками разоряли великорусские земли, для замирения Левобережья была собрана большая армия во главе с воеводой князем Г. С. Куракиным. В начале июля 1668 г. войску Куракина в течение нескольких дней кровопролитных боев удалось обратить противника в бегство, заставив его понести серьезные потери, а также освободить русских пленников. Ощутимые людские потери среди казаков Дорошенко и татар не прошли даром. Вскоре гетман формально единого Войска Запорожского реестрового увел за Днепр свои полки вместе с оставшимися крымскими татарами, оставив на Левобережье в качестве наказного гетмана черниговского полковника Демьяна Игнатовича (Многогрешного) [Флоря 2013, с. 317–322; Вести–Куранты, с. 294–295, 302; АЮЗР, т. 7, с. 143].

Вследствие ухода П. Д. Дорошенко у царского правительства появилась возможность для оказания военной помощи осажденным гарнизонам и замирения Левобережной «Малой России». Этой ситуацией могла бы воспользоваться Речь Посполитая, осуществив геополитический реванш, но после похода в Россию короля Яна Казимира (1663–1664) государство не было способно на ведение масштабной войны против Российского государства. Концентрации политических и финансовых ресурсов помешали сначала «рокош» (выступление против королевской власти) Е. С. Любомирского, а затем Османская Турция, которая стала претендовать на Правобережье. Здесь при посредничестве казаков П. Д. Дорошенко османы планомерно выдвигали и вырезали польские гарнизоны, а в 1672 г. создали *Эялет Каменецкий*, просуществовавший до 1699 г. [Wójcik, s. 248–250; Perdenia, s. 156–160; Kołodziejczyk, s. 49–51]. В результате этого в геополитиче-

ском противостоянии за «Малую Россию» установился очень важный и относительно стабильный баланс сил. Несмотря на ряд локальных конфликтов (Российско-турецкая война 1672–1681 гг.), баланс сохранялся вплоть до начала XVIII в. Этим воспользовались российское правительство и лояльные царю казаки для выстраивания механизмов контроля над Левобережной «Малой Россией».

В декабре 1668 г. в Новгороде-Северском новым гетманом был избран Д. Игнатович (Многогрешный), и в начале 1669 г. в Москву было отправлено казацкое посольство. Казаки, ссылаясь на «статьи» Б. М. Хмельницкого, настаивали на удалении царских войск из Переяслава, Нежина и Чернигова, «понеже от них многие ссоры и досадительства бывали, того для и война вчалась». Кроме того, казацкие послы требовали передачи в руки гетмана сборов, собиравшихся в царскую казну до того, «как Украина в первое достояние придет». Не стеснялись казаки просить у Москвы выплачивать жалование из царской казны. Практически все пункты были приняты и одобрены царской стороной, за исключением вопроса о воеводах. Идя на серьезные уступки, царское правительство не было готово терять, пусть и ограниченный, контроль над Левобережной «Малой Россией» [Флоря, 2013, с. 335–356; АЮЗР, с. 7, с. 64, 94, 97, 105–106; т. 8, с. 36–42].

Таким образом, царское правительство, измотанное продолжительным восстанием на Левобережной «Малой России», изначально было готово идти на политические и налоговые компромиссы при соблюдении определенного баланса. Отмеченный баланс должен был заключаться в подтверждении максимальной степени автономности казацких институтов самоуправления в налоговой сфере и перенесении бремени содержания казацкого реестра на царскую казну. Это давало царской стороне возможность компенсировать нехватку военных ресурсов для обеспечения политической стабильности и оперативного предотвращения возможных военных эксцессов. Однако обязательным условием фактического признания монополии на власть институтов казацкого самоуправления стало сохранение контроля в крепостях ключевых городов Левобережья (Киева, Переяслава, Нежина, Чернигова). Что же представлял собой контроль над регионом в ситуации найденного баланса сил?

Сохранившиеся документы российских институций, находившихся на территории Левобережной «Малой России» (так называемые *воеводские приказные избы*)⁵ или отразившие деятельность царских агентов на местах, рисуют довольно интересную картину. Вплоть до начала XVIII в. численность царских войск в городах «Малой России» стабильно снижалась (за исключением 1678–1679 гг.)⁶, достигнув чуть более чем 3 тыс. чел., из которых примерно 1,7 тыс. чел. составлял

⁵ В данном случае речь идет о Киевской, Переяславской, Черниговской и Нежинской приказной избах за 70–90-е гг. XVII в.

⁶ Благодарю В. С. Великанова за предоставленные сведения.

киевский гарнизон. Причиной было регулярное, а подчас и массовое бегство служилых людей. Особенно отличались комарицкие драгуны, которых регулярно направляли на службу в Переяславль. В течение одного календарного года беглецы из их числа исчислялись не десятками, а сотнями, некоторые и вовсе не выходили на службу. Официально для царских воевод правительство регулярно издавало строгие указы о сыске и наказании беглых. Однако фактически на местах на это закрывали глаза. В первую очередь здесь сказывалась неспособность государства в полной мере обеспечивать денежным и хлебным жалованьем ратных людей. Отчасти это объяснялось тем, что в институциональных условиях того времени базой для эффективной службы служили земельные пожалования, что автоматически привязывало ратных людей, не имевших зависимого населения, к циклам сельскохозяйственных работ. Кроме того, на протяжении всего XVII в. наблюдалось обеднение большинства представителей подобных социальных групп, разорявшихся в результате частых татарских набегов и мобилизаций [Lazarev, p. 218–220]. Соответственно, каждый год беглецов снова собирали по местам жительства, не применяя особых репрессивных мер, а воеводы смиренно составляли списки («росписи») беглых и «нетчиков».

На «малолюдство» в гарнизоне жаловался в 1680 г. черниговский воевода стольник С. Колтовской. Как правило, массово со службы из Чернигова бегали трубчевские солдаты, набравшиеся из детей боярских Севского разряда [РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 153. Л. 51–52 и далее]. Проблема с бегством касалась и городских (гарнизонных) стрельцов и казаков. Например, в 1679 г. переяславский воевода Л. Неплюев сообщал в Москву, что в его гарнизоне по спискам недостает более 600 чел. Конечно, данную цифру следует признать исключительной, что не снижало остроту проблемы. По этой причине в левобережные города на постоянную службу (жилые полки) регулярно отправлялись проштрафившиеся стрельцы («воры»), например, обвиненные в убийстве, а также их жены. В целях удержания на службе ратных людей (например, стрельцов в Киеве и Переяславле) правительство иногда разрешало им заводить небольшое дело (содержание харчевен или бань), которое бы не мешало местному населению. Чаще всего речь шла о предоставлении отсрочек по различного рода тяжбам, что велись в России. Вплоть до введения системы рекрутского набора и регулярного жалования Петром I на рубеже XVII–XVIII вв. данная проблема не решалась в текущих институциональных условиях [РГАДА. 229. Оп. 1. Д. 100. Л. 120–152, 361–405, 296–320; Д. 117. Л. 53–63, 156 об.–162; Д. 140. Л. 15–27, 68, 98, 137–142, 294–294 об.; Д. 153. Л. 18–23, 25–51, 128; Д. 174. Л. 62, 68; Д. 178. Л. 188–199, 247–250; Д. 207. Л. 254–258; Д. 212].

Другой головной болью царских воевод в городах Левобережной «Малой России» была забота о содержании и починке крепостных укреплений, что целиком и полностью ложилось на плечи гарнизон-

ных солдат и стрельцов. При этом без помощи гетмана и/или городского населения не всегда удавалось осуществить запланированное. Воевода головой отвечал за расходуемые деньги (жалование и закупка хлеба ратным людям, приобретение алкоголя на кружечный двор). Однако в некоторых случаях малочисленный коронный аппарат (один-два подьячих) не всегда точно мог вести учет, что подчас вызывало серьезные разбирательства. Помимо прочего, такой коронный аппарат нагружали разборы конфликтных ситуаций великороссиян с местным населением, а также жалобы последних на царских чиновников. Сами подьячие в «Малой России» не чурались, подобно служилым людям, периодически сбегать с мест службы. Что же касается компетенции царских воевод, то в их инструкциях и указах к ним из Москвы регулярно подчеркивались запрет на вмешательство в казацкие дела, а также необходимость сохранения согласия с казацкой старшиной [РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 100. Л. 220–257, 406–412; Д. 117. Л. 358–373 и далее; Д. 120. Л. 58; Д. 153. Л. 33–36, 154, 160; Д. 158. Л. 41–42, 76; Д. 174. Л. 42–49].

Отдельно следует сказать о тех финансовых потоках, которые так или иначе могли попадать в царскую казну. Помимо короткого периода, связанного с налоговой реформой (1666–1668), в предшествовавшее и последующее время (до периода Малороссийской коллегии, 1722–1727) в царскую казну могли поступать доходы с днепровского перевоза у Киева, а также с кружечных дворов в Киеве, Переяславле, Нежине и Чернигове. В первом случае изначально речь шла о совместной эксплуатации (50 : 50) с киевскими мещанами («мещанам в ратушу» или просто «на ратушу»), которые помогали в строительстве перевоза. В тех же случаях, когда представители царской (воеводской) администрации сами наводили «под Киевом на Днепре мост», сбор за переезд по мосту (*мостовщина*) полностью шел в царскую казну, «понеже тот мост и мостовые припасы строят наши Ц. В-ва ратные люди и Нашего Ц. В-ва казною» [Український археографічний збірник, с. 31–32]. Государственные кружечные дворы обслуживали только царских ратных людей, а сотни рублей уходили местным поставщикам, у которых закупалась продукция. Также серьезную конкуренцию государственным кружечным дворам составляли местные мещане и духовенство, переманивавшие царских служилых людей низкими ценами на вино. Как правило, работу государевых кружечных дворов контролировали целовальники из числа местных служилых (например, пушкарей в Киеве). Подсчитать общие доходы в «Малой России» и проследить их динамику – задача невероятно сложная. Определенно можно сказать, что на начало XVIII в. годовой доход мог составлять примерно 3 406 руб. Зачастую собранные деньги оставались в регионе и тратились на местные нужды гарнизонов, в числе которых были и духовные потребности. Из этих средств Малороссийский приказ давал «ругу» некоторым представителям малороссийского духовенства, в том числе киевскому митрополиту и неко-

торым монастырям [АЮЗР. Т. 6. 56–58; РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 192. Л. 2–10 об.; Д. 236; Ф. 229. Оп. 1. Д. 120. Л. 54; Д. 174. Л. 153–154; Д. 212. Л. 2–8, 32–42, 121 и далее; Ф. 396. Оп. 3. Д. 19. Л. 10 об., 45 об.].

Таким образом, царские гарнизоны, сохранившиеся в четырех крепостях Левобережной «Малой России», вряд ли даже теоретически могли обеспечить военное господство в регионе. Более того, ни о чем подобном не помышляли и в Москве, где изначально рассчитывали на местные корпорации в организации устойчивого контроля над регионом. Однако в условиях геополитической конкуренции за «Малую Россию» различные партии в среде казацкой элиты подрывали контроль Российского государства над регионом, организуя военные выступления против него ради получения наибольших политических выгод под другим сувереном (Речь Посполитая, Османская Турция). Тем не менее, тот же фактор работал и на российскую сторону. Раскол среди казацких элит не позволил другим игрокам максимально мобилизовать ресурсы Войска Запорожского и вытеснить Российское государство из «Малой России». Российское государство, ослабленное финансовым кризисом 1660-х гг., оказалось в полной зависимости от институтов казацкого самоуправления. Ради поддержания данного баланса сил царское правительство фактически признало монополию на власть за казацкими институтами власти, за исключением нескольких городов, где находились царские гарнизоны и лояльные городские корпорации (Киев, Чернигов, Нежин и Переяславль). В 1670–1722 г. российское правительство ни разу не подняло вопрос о налоговых сборах в царскую казну. И все же именно ситуация зависимости от казацких институтов самоуправления позволила Российскому государству сохранять вполне эффективный контроль в Левобережной «Малой России», несмотря на ограниченные ресурсы.

Если отбросить фактор геополитической конкуренции и военный потенциал Войска Запорожского, то модель взаимоотношений, когда правительство перекладывало основную фискальную и даже административно-судебную власть на некоронных агентов, включаемых в государственный аппарат (то есть на помещичью администрацию, общинные и иные формы сословно-групповой самоорганизации), была не нова для разных территорий Российского государства XVII и даже XVIII в. [Lazarev; Kiselev]. Сделанные наблюдения подтверждают слова американской исследовательницы В. Кивельсон о России XVII в.: «Московское общество было пронизано четкими и непреодолимыми различиями во всех направлениях. <...> Для Московии такое разнообразие не только воспринималось как должное, но и считалось преимуществом» [Кивельсон, с. 282] (см. также: [Kivelson, Suny]). Именно на этом разнообразии в условиях нехватки ресурсов и неразвитости бюрократического аппарата строились механизмы контроля над гетерогенными территориями Российского государства.

Список литературы

- АЮЗР. Т. 6, 7, 8.
- Бабулин И. Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М. : Рус. витязи, 2015а. 399 с.
- Бабулин И. Б.* Каневская битва 16 июля 1662 г. М. : Рус. витязи, 2015б. 85 с.
- Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 120 с.
- Бордюгов Г., Бухараев В.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М. : АИРО-XXI, 2011. 247 с.
- Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: русские тексты / под ред. А. М. Молдована, И. Майер. Ч. 1. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 856 с.
- Воссоединение Украины с Россией : Документы и материалы : в 3 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. Т. 1. 588 с. Т. 3. 646 с. (ВУР).
- Гордон П.* Дневник, 1659–1667. М. : Наука, 2003. 314 с.
- Горобець В.* «Чорна рада» 1663 року : Передумови, результати, наслідки. Київ : Інститут історії України, 2013. 200 с.
- Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским : в 2 ч. М. : Университет. тип., 1858. Ч. 1. 340 с.
- Кісіль І. М.* Соціально-економічне становище міщан Гетьманщини (друга половина XVII – друга половина XVIII ст.) : дис. ... канд. іст. наук. Київ : [Б. и.], 2006. 222 с.
- Камінський А. С.* Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505–1795 : Громадяни, їхня держава, суспільство, культура. Київ : Наш час, 2011. 266 с.
- Касьянов Г. Н., Миллер А. И.* Россия – Украина: как пишется история : Диалоги – лекции – статьи. М. : РГГУ, 2011. 311 с.
- Кивельсон В.* Картография царства : Земля и ее значения в России XVII века. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 360 с.
- Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М. : Молодая гвардия, 2010. 344 с.
- Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщицна у складі Речіпосполитої (1618–1648). Київ : Темпора, 2006. 496 с.
- Лазарев Я. А.* «Не-каноничные» версии истории Украины второй половины XVII–XVIII в. в новых исторических курсах // Ист. вестн. 2016. Т. 16 (163). С. 192–221.
- Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 240 с.
- Панков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород : Константа, 2004. 351 с.
- РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 192, 236; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 153; Ф. 229. Оп. 1. Д. 100, 117, 120, 153, 158; 174, 212; Ф. 396. Оп. 3. Д. 19.
- Романовский В. А.* Перепись населения Левобережной Украины 1666 года: ее организация и критическая оценка. Ставрополь : [Б. и.], 1967. 125 с.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 39 т. / под ред. А. И. Тимофеева, Ф. И. Успенского. СПб. : Тип. Ф. Г. Елковского и Ко, 1884. Т. 8. 1400 стб.
- Смолий В. А., Степанков В. С.* Богдан Хмельницький: соціально-політичний портрет. Київ : Либідь, 1995. 624 с.
- Таирова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя: история «предательства». М. : Центрполиграф, 2011. 525 с.
- Український археографічний збірник : у 3 т. Київ : Друкарня Всеукраїнської Академії Наук, 1926. Т. 1. 355 с.
- Український Гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII–XVIII ст. : у 2 кн. / упоряд. В. А. Смолий. Київ : Інститут історії України НАН України, 2018. Кн. 1. 610 с.
- Універсали українських гетманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687) / упоряд. І. Бутич, В. Риневич, І. Тесленко. Київ : Львів : НТШ, 2004. 1118 с.

- Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М. : Индрик, 2013. 447 с.
- Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М. : Индрик, 2010. 656 с.
- Фоминов А. В. Валуйское разорение 1633 г. // Старый цейсгауз. 2013. № 52. С. 76–83.
- Шевченко Ф. П. Историчні студії: збірка вибраних праць і матеріалів : (До 100-річчя від дня народження). Київ : Інститут історії України, 2014. 700 с.
- Bohun T., Małow A., Smirnowa O. Materiały wywiadu moskiewskiego o wojskowo-politycznej sytuacji w Rzeczypospolitej w pierwszej połowie 1630 r. (Dokumenty Urzędu Wojskowego dotyczące powstania Tarasa Fedorowicza na Ukrainie wiosną 1630 r. z zespolukolekcji RGADA «Akta urzędowe nowego uporządkowania») // Klio. 2013. T. 2 (25). S. 218–252.
- Kiselev M. A. State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50: Paths to State Building in Early Modern Russia // Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16, № 1 (Winter). P. 7–36.
- Kivelson V. A., Suny R. G. Russia's Empires. N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. 420 p.
- Kołodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki, 1672–1699 гг. Warszawa : Polczek, 1994. 256 s.
- Kroll P. Od ugody hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660. Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2008. 452 s.
- Lazarev J. Однoдвoрцы в системе прямиго налогодоблoжения России XVIII в. : К вопросу о роли некоронных агентов в управлении государством раннего Нового времени // Cahiers du monde russe. 2014. Vol. 55. № 3–4. P. 215–234.
- Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków : Universitas, 2000. 502 s.
- Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa : Państwowe Wydawn. Naukowe, 1959. 279 s.

References

- AYuZR [Acts Relating to the History of Southern and Western Russia]. Vol. 6, 7, 8.
- Babulin, I. B. (2015a). *Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 gg.)* [The Struggle for Ukraine and the Battle of Konotop (1658–1659)]. Moscow, Russkie vityazi. 399 p.
- Babulin, I. B. (2015b). *Kanevskaya bitva 16 iyulya 1662 g.* [The Battle of Kaniv, 16 July 1662]. Moscow, Russkie Vityazi, 85 p.
- Bantysh-Kamenskii, D. N., Bodyanskii, O. (Eds.). (1858). *Istochniki malorossiiskoi istorii v 2 ch.* [Sources of Little Russian History. 2 Parts]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Part 1. 340 p.
- Bazilevich, K. V. (1936). *Denezhnaya reforma Alekseya Mikhailovicha i vosstanie v Moskve v 1662 godu* [Alexei Mikhailovich's Monetary Reform and the Uprising in Moscow in 1662]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 120 p.
- Bohun, T., Małow, A., Smirnowa, O. (2015). Materiały wywiadu moskiewskiego o wojskowo-politycznej sytuacji w Rzeczypospolitej w pierwszej połowie 1630 r. (Dokumenty Urzędu Wojskowego dotyczące powstania Tarasa Fedorowicza na Ukrainie wiosną 1630 r. z zespolukolekcji RGADA «Akta urzędowe nowego uporządkowania»). In *Klio*. Vol. 2 (25), ss. 218–252.
- Bordyugov, G., Bukharaev, V. (2011). *Vchershnee zavtra: kak "natsional'nye istorii" pivalis' v SSSR i kak pishutsya teper'* [Yesterday's Tomorrow: How "National Histories" were Written in the USSR and how they are Written now]. Moscow, AIRO-XXI. 247 p.
- Butich, I., Rinsevich, V., Teslenko, I., (Eds.). (2004). *Universalni ukrains'kikh getmaniv vid Ivana Vigovs'kogo do Ivana Samoiloivicha (1657–1687)* [Universals of Ukrainian Hetmans from Ivan Vyhovsky to Ivan Samoilovich (1657–1687)]. Kiiv, L'viv, Naukove tovaristvo imeni Shevchenka. 1118 p.

Florya, B. N. (2010). *Russkoe gosudarstvo i ego zapadnye sosedi (1655–1661 gg.)* [The Russian State and Its Western Neighbours (1655–1661)]. Moscow, Indrik. 656 p.

Florya, B. N. (2013). *Vneshnepoliticheskaya programma A. L. Ordina-Nashchokina i popytki ee osushchestvleniya* [The Foreign Policy Programme of A. L. Ordin-Nashchokin and Attempts to Implement it]. Moscow, Indrik. 447 p.

Fominov, A. V. (2013). Valuisкое razorenije 1633 g. [The Valuyki Devastation of 1633.]. In *Staryi tseikhgauz*. No. 52, pp. 76–83.

Gordon, P. (2003). *Dnevnik, 1659–1667* [Diary, 1659–1667]. Moscow, Nauka. 314 p.

Gorobets', V. (2013). "Chorna rada" 1663 roku. *Peredumovi, rezul'tati, naslidki* ["The Black Council" in 1663. Prerequisites, Results, Consequences]. Kiïv, Institut istorii Ukraini. 200 p.

Kamins'kii, A. S. (2011). *Istoriya Rechi Pospolitoï yak istoriya bagat'okh narodiv, 1505–1795. Gromadyani, ikhnya derzhava, suspil'stvo, kul'tura* [The History of the Commonwealth as a Story of Many Nations, 1505–1795. Citizens, Their State, Society, Culture]. Kiïv, Nash chas. 266 p.

Kas'yanov, G. N., Miller, A. I. (2011). *Rossiya – Ukraina: kak pishetsya istoriya. Dialogi – lektsii – stat'i* [Russia – Ukraine: How They Write History. Dialogues – Lectures – Articles]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 311 p.

Kiselev, M. A. (2015). State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50: Paths to State Building in Early Modern Russia. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. No. 1 (Winter), pp. 7–36.

Kisil', I. M. (2006). *Sotsial'no-ekonomichne stanovishche mishchan Get'manshchini (druga polovina XVII – druga polovina XVIII st.)* [The Socio-Economic Position of Burghers of the Hetmanate (Second Half of the 17th – Second Half of the 18th Centuries)]. Dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Kiïv, S. n. 222 p.

Kivelson, V. (2012). *Kartografiya tsarstva. Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartographies of the Tsardom. The Land and Its Meaning in 17th-Century Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p.

Kivelson, V. A., Suny, R. G. (2017). *Russia's Empires*. N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press. 420 p.

Kołodziejczyk, D. (1994). *Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki, 1672–1699 rr.* Warszawa, Polczek. 256 s.

Kozlyakov, V. N. (2010). *Mikhail Fedorovich*. Moscow, Molodaya gvardiya. 344 p.

Kroll, P. (2008). *Od ugody hadziackiej do Cudnowa. Kozacyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660*. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. 452 p.

Kulakovs'kii, P. (2006). *Chernigovo-Sivershchishchna u skladi Rechipospolitoï (1618–1648)* [Chernihiv Severia as Part of the Commonwealth (1618–1648)]. Kiïv, Tempora. 496 p.

Lazarev, J. (2014). Odnodvortsy v sisteme pryamogo nalogooblozheniya Rossii XVIII v.: K voprosu o roli nekoronnykh agentov v upravlenii gosudarstvom rannego Novogo vremeni [Odnodvortsy and Direct Taxation in 18th-Century Russia: The Role of Non-State Tax Collectors during the Early Modern Period]. In *Cahiers du monde russe*. Vol. 55. No. 3–4, pp. 215–234.

Lazarev, Ya. A. (2016). «Ne-kanonichnye» versii istorii Ukrainy vtoroi poloviny XVII–XVIII v. v novykh istoricheskikh kursakh [Examining the New Historical Courses Describing the Non-Canonical History of Ukraine during the Second Half of the 17th – 18th Centuries]. In *Istoricheskii vestnik*. Vol. 16 (163), pp. 192–221.

Miller, A. I. (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [The Romanov Empire and Nationalism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 240 p.

Moldovan, A. M., Maier, I. (Eds.). (2009). *Vesti-Kuranty. 1656 g., 1660–1662 gg., 1664–1670 gg.: russkie teksty* [Vesti-Kuranty. 1656, 1660–1662, 1664–1670: Russian Texts]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. Part 1. 856 p.

Papkov, A. I. (2004). *Porubezh'e Rossiiskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoi (konets XVI – pervaya polovina XVII veka)* [The Borderlands of the Russian

Kingdom and the Ukrainian Lands of the Commonwealth (Late 16th – First Half of the 17th Centuries)]. Belgorod, Konstanta. 351 p.

Perdenia, J. (2000). *Hetman Piotr Doroszenko a Polska*. Kraków, Universitas. 502 p.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 137. List 2. Dos. 192, 236; Stock 210. Stolbtsy Belgorodskogo stola. Dos. 153; Stock 229. List 1. Dos. 100, 117, 120, 153, 158, 174, 212; Stock 396. List 3. Dos. 19.

Romanovskii, V. A. (1967). *Perepis' naseleniya Levoberezhnoi Ukrainy 1666 goda: ee organizatsiya i kriticheskaya otsenka* [The Census of Left-Bank Ukraine in 1666: Its Organisation and Critical Evaluation]. Stavropol', N. d. 125 p.

Shevchenko, F. P. (2014). *Istorični studii: zbirka vibanikh prats' i materialiv (Do 100-richchya vid dnya narodzhennya)* [Historical Studies: A Collection of Selected Works and Materials (100th Birthday)]. Kiiv, Institut istorii Ukraïni. 700 p.

Smolii, V. A. (Ed.). (2018). *Ukraïns'kii Get'manat: narisi istorii natsional'nogo derzhavotvorennya XVII–XVIII st. u 2 kn.* [Ukrainian Hetmanate: Essays on the History of the National State-Building of the 17th – 18th Centuries. 2 Books]. Kiiv, Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni. Book 1. 610 p.

Smolii, V. A., Stepankov, V. S. (1995). *Bogdan Khmel'nits'kii: sotsial'no-politichnii portret* [Bohdan Khmelnytsky: Socio-Political Portrait]. Kiiv, Libid'. 624 p.

Tairova-Yakovleva, T. G. (2011). *Ivan Mazepa i Rossiiskaya imperiya: istoriya "predatel'stva"* [Ivan Mazepa and the Russian Empire: The Story of "Betrayal!"]. Moscow, Tsentrpoligraf. 525 p.

Timofeev, A. I., Uspenskii, F. I. (Eds.). (1884). *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei v 39 t.* [Russian Historical Library, Published by the Archaeological Commission. 39 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya F. G. Elkovskogo i Ko. Vol. 8. 1400 stb.

Ukraïns'kii arkheografichnii zbirnik u 3 t. [Ukrainian Archaeographic Collection]. (1926). Kiiv, Drukarnya Vseukraïns'koi Akademii Nauk. Vol. 1. 355 p.

Vossoedinenie Ukrainy s Rossiei. Dokumenty i materialy v 3 t. [Ukraine's Reunification with Russia. Documents and Materials. 3 Vols.]. (1953). Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. 588 p. Vol. 3. 646 p. (VUR).

Wójcik, Z. (1959). *Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza*. Warszawa, Państwowe Wydawn. Naukowe. 279 p.

The article was submitted on 10.03.2018